

Раскольников противостоит христианству. И, по мнению Достоевского, именно христианство спасает мир. Кротость и скромность, по его мнению, победит агрессию... Христианство противостоит агрессии не активными действиями, а просто своим существованием. В то время как все активные действия христиан прошлого, такие, как крестовые походы, показывают, что это не шаги к христианскому идеалу, а политические действия, прикрытые невинной идеей. Во всех подобных «акциях» перед нами очевидное воплощение теории Раскольникова... современное оружие и методы ведения войны исключают возможность чьего бы то ни было спасения”.

А вот что пишут о «Преступлении и наказании» мои ученики сегодня.

• “Достоевский... «свернул в один клубок» всё зло, которое вперемешку с добром было сплетено в жизни общества, людей. Может, поэтому и Достоевский «даётся» нам с таким «трудом»? Человеческий разум не способен воспринимать зло в таких количествах!.. Хотя прошёл век, в нашем мире ничего не изменилось: так же убивают бабушек, берегущих свои деньги на похороны, «Раскольниковы», наивно изучают этот мир «князи Мышкины»... и в нашем мире всё держится на деньгах”.

• “...То, что мучит его, приходит в голову любому мыслящему человеку в его юности, когда он ещё молод и неопытен. Так не хочется признать, что ты появился на свет не для великой цели, что ты просто песчинка в этом длинном ряду людей и исчезнешь бесследно. Ведь ты-то знаешь, что ты исключительный! Проявить себя в чём-то замечательном — трудно, это требует в прямом смысле труда, огромных усилий. Легче выделиться из толпы себе подобных отрицанием того, что ценит общество: грубостью, жестокостью. Разве мы не наблюдаем это и сейчас повсюду?..”

• “Меня... в романе заинтересовала... теория Раскольникова... Я считаю, что эта теория если и не совсем верна, то очень близка к тому, чтобы быть верной... уже с ранних лет человека приучают «разделять» остальных людей... без присутствия обывателей в нашей жизни достоинства других людей просто поблёкли бы... И чем бледнее то, с чем мы сравниваем, тем ярче наши собственные достоинства. Так, например, талантливый и развитый ребёнок выглядит не иначе как «маленьким гением» на фоне других детей, не отличающихся какими-либо способностями. А в кругу таких же «маленьких гениев» он может считаться обычным, и это будет нормой... не каждый человек для начала сможет определить... способен ли он «переступить» или нет. Затем, скажем, решив утвердительно, он будет озадачен вопросом: «А позволено ли мне это? Кем и когда позволено?..» Этим вопросом будет озадачено большинство тех, кто придерживается хотя бы половины «стандартных» норм морали. И, в конечном итоге, скажем, опять ответив себе утвердительно и обоснован-

но, человек задаётся вопросом: «А смогу ли я нести этот грех?..» — не каждый признается вслух, что он способен «переступить». И, наконец, величина этого «преступления» напрямую зависит от человека. От того, до какого предела он способен сдвинуть границы своей морали. И, сдвинув их до предела, сможет ли он и через него переступить, а переступив, хватит ли у него нервной силы не раскаяться и не пойти с покаянием... Поразмыслив над теорией Раскольникова и сопоставив её со своей жизнью, я считаю, что дозволено «переступить», но дойдя только до определённого предела”.

Споры о Свидригайлове

Множество споров у моих учеников вызывает Свидригайлов. Исследователи Достоевского писали о нём самые разные вещи. “Лицо самое художественное и глубокое из всех, не исключая и Раскольникова, — это Свидригайлов” (Д.С. Мережковский), “крайняя степень человеческого зла”, “негодяй, эгоист, сладострастник и циник” (А.А. Белкин), “способный равнодушно творить и зло, и добрые дела” (Л.И. Соболев), “кровавый злодей” (по одному из прежних учебников).

Большинство из процитированных выше авторов объективности ради пытаются найти хоть что-то светлое в Свидригайлове, но лишь немногим удаётся приблизиться к тому, что, как мне кажется, и хотел сказать создатель романа: “Почти каждым своим персонажем Достоевский как бы говорит нам: не торопитесь судить о человеке, не приклеивайте ему сразу же ярлык доброго или злого” (А.А. Белкин). “Свидригайлов нигде не однолинеен, он не так уж однотонно чёрен, как это кажется на первый взгляд... Злодей, развратник и циник, Свидригайлов на протяжении всего романа совершает массу добрых дел, больше, чем все другие персонажи, вместе взятые” (В.Я. Кирпотин). “Достоевский... видел божью искру в самом падшем и извращённом человеке, он следил за малейшей вспышкой этой искры и прозревал черты душевной красоты в тех явлениях, к которым мы привыкли относиться с презрением, насмешкой или отвращением. За проблески этой красоты, открываемые им под безобразною или отвратительною внешностью, он прощал людей и любил их” (Н.Н. Страхов).

Но как быть с явными передержками: “самоубийством Достоевский наказывает героев безнадежных — Свидригайлова...” (Л.И. Соболев); “Свидригайлов совершает свои преступления, не чувствуя никакой трагедии в своей душе... Марфа Петровна выкупила Свидригайлова... а он её предал (покушался на её жизнь)” (С.В. Белов); “после смерти Марфы Петровны, им убитой... его двойник... Лужин” (К.И. Тюнькин); “...Он любит грязный разврат, но совесть его спокойна... И ему скучно... Страсть к Дуне на время занимает его. Он стреляется со скуки... на его совести страшные преступления: убийство жены, самоубийство слуги Филиппа